

Посвящается Рыжей Курочке

Пролог

ТИНТАЛЬЯ И АЙСФИР

Тинталья легко парила в воздушных потоках, плотно прижимая лапы к туловищу и широко расправив крылья. Ее колеблющаяся тень скользила по волнистому песку пустыни, словно некое змееподобное существо с крыльями летучей мыши и длинным чешуйчатым хвостом. Удовлетворенное урчание рождалось глубоко в гортани Тинтальи, довольной нынешним днем. Они с Айсфиром славно поохотились на рассвете. Сперва убивали животных, преследуя, как всегда, каждый свою добычу, а затем устроили пир и хорошенько выпались. Теперь же два дракона, все еще перемазанные кровью и потрохами жертв, стремились к иной цели.

Впереди и чуть ниже Тинтальи блестел темный силуэт Айсфира. Он изогнулся, перемещая центр тяжести, чтобы поймать и оседлать ветер. Айсфир был более длинным, тяжелым и мощным, чем Тинталья. И если ее похожая на перья чешуя отливала искрящейся синевой, то он был абсолютно черным. Айсфиру пришлось дорого заплатить за долгое заточение во льдах, на исцеление его тела потребовались годы.

На толстых перепонках между костями больших крыльев Айсфира все еще зияли прорехи. Менее значительные раны уже давно затянулись, но разрывы на крыльях заживали намного медленнее, а выпирающие

шрамы от них останутся навсегда. «В отличие от моего собственного лазурного совершенства», — подумала Тинталья и восхищенно покосилась на свои сверкающие крылья.

Словно почувствовав, что подруга не смотрит на него, Айсфир заложил крутой вираж и начал снижаться кругами. Тинталья знала, куда они летят. Неподалеку над песком возвышалась скалистая гряда. Чахлые деревья и серо-зеленый кустарник покрывали зазубренный хребет и неровные впадины. А перед этими скалами в просторном песчаном бассейне прятался оазис, окруженный редкими деревьями. Вода поднималась из недр земли и наполняла широкую спокойную заводь. Даже зимой в этом углублении сохранялось дневное тепло.

После полудня они собирались от души поплескаться в нагретой солнцем воде оазиса: выкупаться, отмыть кровь со шкур, а затем покататься по жесткому песку, тщательно полируя чешуйки. Драконы хорошо знали это место. Их охотничьи угодья простирались очень далеко по всей округе, но примерно раз в десять дней Айсфир снова приводил их сюда. Он утверждал, что сохранил воспоминания об оазисе со времен своей далекой молодости.

Когда-то здесь находилось поселение Старших, или, как их еще называли, Элдерлингов, которые заботились о драконах, частенько прилетающих к ним в гости. Сегодня от тех белокаменных зданий и бережно выращенных виноградников ничего не осталось. Наползающая пустыня поглотила их город, но оазис сохранился. Тинталья предпочла бы улететь дальше на юг, в пустыню из красного песка, куда никогда не приходит зима, но Айсфир отказался наотрез. Подозревая, что у него попросту не хватает выносливости для столь длительного перелета, Тинталья не раз подумывала о том, чтобы оставить сво-

его спутника здесь, а самой продолжить путь. Но ее пугала перспектива вновь оказаться одной: она и без того слишком много времени провела в полной изоляции, в плену кокона, чтобы вновь остаться без общения с себе подобными, пусть даже и с таким своенравным и язвительным драконом, как Айсфир.

Он летел низко, почти скользя по раскаленной поверхности пустыни. Редкие мощные взмахи крыльев направляли полет и расшвыривали песок в разные стороны. Тинталья копировала его движения, оттачивая свое мастерство: тут есть чему поучиться. При всех своих многочисленных недостатках Айсфир был истинным повелителем воздуха.

Они следовали контурам ландшафта. Тинталья знала, что задумал ее спутник: бреющий полет приведет их к краю котловины, затем последует безумное скольжение вниз вдоль песчаной дюны, и в конце концов они оба с распростертыми крыльями окунутся в неподвижную, нагретую солнцем воду, подняв целые фонтаны брызг.

Драконы проделали уже половину пути вниз по склону, когда песок у верхнего края котловины внезапно взорвался. Служившие укрытием холстины были отброшены в сторону, и на их месте выросли шеренги лучников. Туча стрел роем полетела в драконов, с грохотом задевая их бока и крылья. К тому времени драконы летели уже слишком близко к земле и не могли снова набрать высоту. Айсфир, достигнув воды, чиркнул по ее поверхности крылом и развернулся. Следовавшая за ним Тинталья не успела ни свернуть, ни остановиться. Она врезалась в Айсфира, и, как только их крылья и лапы перепутались на теплом мелководье, копейщики покинули свои укрытия и атаковали драконов, словно армия муравьев. Позади них поднялись еще какие-то люди и бросились вперед, держа наготове тяжелые сети из толстых веревок и цепей.

Резким движением, совершенно не беспокоясь о том, что может навредить ей, Айсфир высвободился и оторвался от Тинталы. Он выскочил из озера и накинулся на людей, втапывая их в воду. Копейщики попытались убежать, но он раздавил часть их мощными задними лапами, потом развернулся и, махнув длинным хвостом, сбил еще нескольких.

А затем ошеломленная Тинталья, все еще барахтавшаяся в воде, увидела его распахнутую пасть. За рядами блестящих острых белых зубов мелькнули алые с оранжевым пазухи, наполненные ядом. Айсфир повернулся к нападающим и с шипением и ревом выпустил алое отравленное облако. Едва оно накрыло людей, как к синей чаше неба взметнулись отчаянные крики.

Кислота разъедала их плоть. Кожаные и металлические доспехи не могли защитить от нее, разве что слегка замедляли пагубное действие яда. Капли его падали на землю, легко проходя сквозь человеческие тела, оставляя дыры в коже, мясе, костях и внутренностях, и с шипением впитывались в песок. Некоторые умирали мгновенно, но таких было не много.

Засмотревшись на Айсфира, Тинталья потеряла бдительность — ее накрыла сеть. Каждый узел утяжеляли свисающие куски свинца, да к тому же в веревки были вплетены тонкие и толстые цепи, некоторые из них — с зазубренными крюками. Сеть скрутила и спутала крылья Тинталы, и, как только драконица отчаянно забила передними лапами, они запутались тоже. Тинталья яростно взревела и, когда копейщики вошли на мелководье возле берега, почувствовала, что ее собственные железы с ядом тоже набухают. Она краем глаза увидела, что лучники натягивают тетивы, готовясь дать запоздалый залп вниз вдоль песчаного склона.

Драконица дернулась, когда копьё попало в уязвимое место между чешуйками за ее передней лапой, в неж-

ную область возле груди. Оно не проникло глубоко, но Тинталю до этого прежде никогда не ранили. Она повернулась, рыча от боли и гнева, и яд облаком вырвался из ее пасти вместе с криком. Копейщики в ужасе опрокинулись назад. Ядовитые пары осели на сеть, ослабив веревки и цепи: они все еще опутывали драконицу, но теперь она, по крайней мере, могла двигаться. Ярость охватила ее. Неужели люди осмелились напасть на драконов?

Тинталья выбралась из воды и кинулась в гущу воинов, разрывая их когтями и хлеща хвостом, и каждый ее крик ярости сопровождало облако яда. Скоро пронзительные вопли гибнущих людей заполнили воздух. Смотреть на Айсфира не было нужды: она и так слышала звуки бойни, которую он устроил.

Стрелы вновь простучали по ее телу и больно ударили в крылья. Тинталья взмахнула ими, сбив около дюжины человек, и отбросила последние куски сети. И, тут же почувствовав горячий укус стрелы под левым крылом, сложила их обратно, слишком поздно осознав: люди только того и добивались, чтобы она открыла свои уязвимые места, подставив под удар более нежную плоть. Но, складывая крыло, драконица только еще глубже затолкнула в рану древко стрелы. Тинталья взревела от боли и развернулась снова, взмахнув хвостом. Она мельком увидела Айсфира, челюстями схватившего человека и поднявшего его в воздух. Визг умирающего вознесся над другими звуками боя, когда дракон разорвал его тело пополам. Крики ужаса из более отдаленных человеческих рядов улаждали слух Тинтальи, и она вдруг поняла, чего хочет ее спутник.

До нее донеслась посланная им мысль:

Страх не менее важен, чем смерть. Их нужно хорошенько проучить, чтобы впредь и думать боялись о нападении на драконов. Некоторым надо дать сбежать, пусть

расскажут своим обо всем, что тут произошло. — А затем Айсфир добавил, мрачно и резко: — Но уцелеть мы позволим лишь немногим!

Да, немногим, — согласилась Тинталья и выбралась из воды.

Ринувшись к людям, которые собрались здесь, чтобы убить ее, она принялась разбрасывать их в стороны своими когтистыми передними лапами с такой же легкостью, с какой кошка разматывает клубок ниток. Она хватала их, отрывала ноги и руки, наносила увечья, но не убивала. Драконица высоко подняла голову, а затем резко подалась вперед, с шипением выдохнув ядовитую кислоту. Человеческая стена перед нею плавилась, превращаясь в месиво из костей и крови.

День уже клонился к вечеру, когда два дракона описали последний круг над землей. Уцелевшие воины в беспорядке, словно испуганные муравьи, бежали к поросшей кустарником гряде.

Пусть разнесут весть повсюду! А мы, пока мясо не протухло, вернемся к оазису, — предложил Айсфир.

Он лениво наклонил крылья, прекращая преследование врагов, и Тинталья сделала то же самое.

Она была не против отдохнуть. Копье выпало из раны, которую проделало в ее шкуре, но стрела с другой стороны осталась. И это очень беспокоило Тинталья: как бы не вошла глубже. В момент затишья, когда в битве наступила недолгая передышка, драконица попыталась вытащить стрелу, но сделала только хуже. Стрела сломалась, а оставшийся обломок был слишком коротким, чтобы Тинталья могла схватить его зубами. Пытаясь его подцепить, она лишь вогнула стрелу глубже. С каждым взмахом крыльев Тинталья чувствовала, как деревянное древко и металлический наконечник вонзаются в ее плоть.

Сколько было нападавших? — поинтересовалась она. Сотни. Да какая разница? Они не убили нас, а те, кому мы позволили сбежать, расскажут соплеменникам, что глупо было даже пытаться одолеть драконов.

Но почему они вообще напали на нас?

Подобное поведение не вписывалось в ее опыт общения с людьми. Те, с кем Тинталье прежде приходилось встречаться, всегда восхищались ею, предпочитая служить драконице, а не ссориться с ней. Некоторые, правда, пытались бросить ей вызов, пищали что-то о неповиновении, но она всегда находила способ держать их в узде. Тинталье и раньше приходилось сражаться с людьми, но те никогда не устраивали на нее засаду.

Она убивала калсидийцев только потому, что выбрала себе в союзники торговцев Удачного, уничтожая врагов местных жителей в обмен на их помощь змеям, которые должны были преобразиться в драконов. Может быть, сегодняшнее нападение связано с этим? Да нет, вряд ли. Люди такие недолговечные. Способны ли они на столь расчетливую месть?

Айсфир рассуждал проще:

Они напали на нас, потому что они — люди, а мы — драконы. Большинство двуногих ненавидит нас. Некоторые лицемерно поклоняются нам и приносят дары, но за их лестью и раболепием кроются совсем иные чувства. Никогда не забывай об этом. В этой части мира люди с незапамятных времен ненавидели нас. Еще до того, как я стал драконом, они травили собственные стада медленным ядом, чтобы убить нас.

Они хватали и пытали наших слуг Элдерлингов в надежде узнать секреты и использовать их против нас. Чтобы ослабить драконов, люди рушили наши твердьни и каменные столпы, с помощью которых Старшие путешествовали. А тех нескольких драконов, кого им удалось

убить, люди разделили как скот, используя нашу кровь и мясо в качестве снадобий для своих немощных тел.

Я не помню ничего подобного. — Тинталья тщетно рылась в памяти предков.

Похоже, ты вообще многого не помнишь. Думаю, ты слишком долго была заключена в коконе, и это повредило твой разум и лишило существенной части знаний.

Тинталья ощутила вспышку гнева. Айсфир часто говорил ей подобные вещи, и обычно после этого драконица намекала, что он сам слегка свихнулся после долгого заточения во льдах. Но сейчас она подавила ярость: необходимо узнать больше. Да и стрела в бокую беспокоила ее.

И что же случилось потом?

Айсфир повернул к Тинталья голову на длинной шее и злобно посмотрел на нее:

А что могло случиться? Ясное дело, мы их уничтожили. Люди и без того достаточно невыносимы. Не хватало еще позволять им думать, будто они могут противостоять нашим желаниям.

Драконы приблизились к источнику в сердце оазиса. Человеческие туши были разбросаны повсюду на песке, и, спускаясь вдоль склона, Тинталья и Айсфир словно бы погружались в пруд из крови, такая густая вонь стояла вокруг. Под лучами вечернего солнца трупы уже начали разлагаться.

После того как поедим, надо улететь подальше и найти чистое место для сна, — объявил черный дракон. — Нам придется какое-то время не навещать оазис, пока шакалы и вороны не уничтожат всю падаль. Здесь слишком много мяса для одного ужина, а люди быстро портятся.

Он забрался в озеро, на поверхности которого до сих пор покачивалось несколько человеческих тел. Тинта-

ля последовала за ним. Поднятые ими волны все еще очищали берег, когда Айсфир вытащил первый труп из воды.

Избегай тех, кто заключен в металл, — посоветовал он подруге. — Лучше выбирай лучников, обычно они носят простую кожу.

Дракон разорвал тело пополам и поймал одну его часть, прежде чем она успела упасть в воду. Он подбросил половину туши в воздух, а затем схватил ее челюстями, наклонив голову, и проглотил. Другая половина с плеском упала и утонула в озере. Айсфир выбрал другого воина, ухватив его за голову и раздробив тело мощными челюстями, прежде чем проглотить целиком.

Тинталья выбралась из грязной воды и молча смотрела на него.

Люди быстро портятся. Надо есть прямо сейчас.

Я никогда не пробовала человечину. — Тинталья ощущала легкое отвращение. Она и раньше убивала людей, но сроду не прикасалась к их мясу. Почему? Теперь это даже показалось ей странным.

Тинталья подумала о людях, которых одарила своей дружбой. Рэйн, Малга и Сельден, ее юный певец... Она открыла им путь Старших, но потом нечасто вспоминала всех троих. Сельден... Мысль о нем вызвала искорку радости.

Теперь в мире был певец, знающий, как должно славить дракона. Этих троих она выбрала и сделала своими Старшими. Наверное, они не такие, как те, кто напали на них сегодня. Если бы кто-нибудь из Старших умер, а она оказалась бы поблизости, то непременно съела бы тело, чтобы сохранить их воспоминания.

Но есть других людей? Айсфир прав: это просто мясо. Тинталья двинулась вдоль берега и выбрала тело, настолько свежее, что оно еще истекало кровью. Драконница

разделила его на две части, ощутив языком кости и кожу, и прожевала несколько раз, прежде чем проглотить.

Ну что же, все правильно: мясо есть мясо, а после схватки Тинталья порядком проголодалась.

Айсфир ел, стоя на одном месте, передвигаясь в сторону лишь на пару шагов и протягивая шею за добавкой, недостатка в которой не наблюдалось. Тинталья же была более разборчивой. А ведь ее спутник прав: человечина очень быстро начинает портиться — от некоторых трупов уже разлило разложением. Она выскивала тех, кто скончался совсем недавно, и отбрасывала с пути уже начинающие коченеть тела.

Тинталья как раз ворошила очередную грудку мертвецов, когда один из них вдруг издал низкий вопль и попытался отползти от нее подальше. Человек был молодым и тщедушным, с ногами, частично разъеденными драконьим ядом. Хныча от боли, юноша продолжал ползти в сторону. И только когда Айсфир, привлеченный странными звуками, приблизился, чтобы узнать, в чем дело, мальчишка заговорил.

— Пожалуйста! — взмолился он, и голос его тут же сорвался на ребяческий писк. — Прошу вас, не убивайте меня! Мы не хотели нападать на вас — ни я, ни мой отец. Это все они, они нас заставили! Люди герцога забрали моего старшего брата, мать и двух сестер. Нам пригрозили, что если мы не станем вместе со всеми охотиться на вас, то наш дом сожгут, а весь наш род уничтожат под корень. У нас просто не было выбора. Мы не хотели причинять вам вреда, о прекраснейшие и мудрейшие драконы!

— Как-то ты припозднился со своими восхвалениями, — хмыкнул Айсфир, которого немало позабавила подобная попытка очаровать их.

— И кто же захватил твоих родичей? — полюбопытствовала Тинталья.

Яд разъел ногу юноши до самой кости. Человек был обречен.

— Люди герцога, властителя Калсиды. Они велели нам добыть для него частичку дракона. Герцог тяжело болен, и ему необходимо чудесное снадобье. Нам сказали, что, если мы доставим кровь или плоть дракона — например, печень или глаз, — герцог озолотит нас. А если мы откажемся, то... — Молодой человек перевел взгляд на свою ногу. Какое-то время он пристально рассматривал ее, а потом выражение его лица вдруг резко изменилось. Он поднял взгляд на Тинталю и заключил: — Да не все ли равно. Мы так и так уже мертвы.

— Это правда, — ответила Тинталья.

Но прежде, чем смысл ее слов успел дойти до сознания юноши, Айсфир склонил к несчастному свою голову, и его челюсти сомкнулись вокруг туловища калсидийца. Все произошло мгновенно, со скоростью змеиного броска.

Свежее мясо вкуснее. Незачем ждать, пока труп этого человека начнет разлагаться, подобно другим.

Черный дракон вскинул голову, заглатывая останки мальчишки, а затем перешел к следующей гряде тел.

*Двадцать девятый день месяца Тишины,
седьмой год Вольного союза торговцев
От Рейала, исполняющего обязанности смотрителя
голубятни в Удачном, — Киму, смотрителю голубятни
в Кассарике*

Мое почтение, Ким!

Мне было поручено передать тебе жалобы, поступившие от нескольких наших клиентов. Они утверждают, что якобы обнаружили на конфиденциальных посланиях следы постороннего вмешательства, хотя восковые пробки на футлярах и остались нетронутыми.

В двух случаях на строго конфиденциальных свитках треснули восковые печати. В третьем же внутри футляра были найдены кусочки восковой печати, а свиток с сообщением был закручен криво, как будто кто-то открыл футляр, прочитал послание, а затем вернул его на место, заново запечатав особым воском, которым пользуются смотрители голубятни. Эти жалобы поступили независимо от трех разных торговцев, и речь в них идет в том числе и о письмах некоего Кандрала из Кассарика.

Никакого официального расследования пока не проводилось. Я уговорил всех подавших жалобы сначала позволить мне связаться с тобой. Предлагаю тебе поговорить с торговцем Кандралом и попросить его показать свою печать и материал, который он применяет для запечатывания посланий. Мы все — как я сам, так и мои наставники здесь, в Удачном, — от души надеемся, что виной всему использование некачественного, старого или слишком хрупкого воска, а вовсе не непорядочность смотрителей голубятни. Тем не менее настоятельно советуем тебе внимательно присмотреться ко всем ученикам, поступившим на работу в прошлом году.

*Поверь, нам очень неприятно писать тебе это, и мы упо-
ваем на то, что ты поймешь все правильно. Мой наставник
просит передать, что абсолютно уверен в честности смот-
рителей голубятни в Кассарике и с нетерпением ждет, когда
досадное недоразумение разъяснится.*

Надеюсь на скорейший ответ,

Рейал

Глава 1

ГЕРЦОГ И ПЛЕННИК

— Мы до сих пор не получили никаких известий, — Мо величайший из величайших. — Посланник, преклонивший колени перед герцогом, с трудом сдерживал дрожь в голосе.

Герцог восседал на троне, опираясь на подушки, и наблюдал за гонцом. Лучшее, на что мог надеяться человек, принесший дурные вести, — это порка. А уж сейчас, когда речь шла о жизни и смерти властителя Калсиды, положение было и того серьезнее. Герцог ждал, что выдержка изменит гонцу.

Однако стоявший на коленях мужчина не поднимал глаз, упрямо вперившись взглядом в пол. Что ж, этот посыльный и раньше отправлялся на свидание с плеткой. Он знал, что придется пережить очередную порку, и заранее смирился со своей участью.

Герцог слегка повел пальцем — полноценное движение отнимало слишком много сил. Но его канцлер научился различать самые слабые знаки правителя и молниеносно на них реагировать. Он, в свою очередь, более выразительным жестом велел стражнику вывести посланника из зала.

Перестук легких сандалий гонца вплетался в глухой топот сапог стражников, спешно исполнявших приказ. Никто не решался произнести ни слова. Канцлер снова

повернулся к герцогу и низко согнулся, коснувшись лбом коленей. Затем он медленно опустился на колени и наконец набрался смелости посмотреть на сандалии герцога.

— Я глубоко сожалею, что нам нечем тебя порадовать.

В тронном зале воцарилась тишина. Грубый камень, из которого были сложены стены огромного помещения, напоминал всем посетителям, что когда-то это место было частью крепости. С арочного потолка, выкрашенного в синий цвет полуночи, смотрели застывшие навеки звезды. Из прорезей высоких окон открывался вид на раскинувшийся вокруг город.

Во всей Калсиде не было ни единого строения выше цитадели герцога на холме. Когда-то на вершине стояла крепость, и под защитой ее стен круг черных камней, средоточие мощной магии, тянулся к небу. Люди до сих пор рассказывали сказки и легенды о том, как эти камни были повалены, а их злая сила побеждена.

Эти самые гигантские камни — с отчасти стертymi временем, а отчасти намеренно сбитыми с их поверхности древними рунами — теперь лежали вокруг герцогского трона, вровень с окружающими их серыми плитами пола. Черные камни указывали направления пяти сторон света. Согласно молве, под каждым из них имелась квадратная яма, где в древности заживо погребли врагов Калсиды, владевших магией. Расположившийся в центре трон напоминал всем, что герцог восседает там, где в былые времена нога человека не ступала без страха.

Герцог разомкнул губы, и паж, державший чашу с прохладной водой, мгновенно вскочил, метнулся вперед, упал на колени и протянул ее канцлеру. А тот, также передвигаясь на коленях, приблизился к властителю и поднес чашу к его губам.

Правитель Калсиды склонил голову и отпил воды. Когда он оторвался от чаши, еще один слуга возник поблизости и подал канцлеру лоскут мягкой ткани, чтобы тот мог промокнуть лицо и подбородок герцога.

Герцог позволил канцлеру вернуться на место. Теперь, утолив жажду, он был готов говорить.

— Значит, Элик, до сих пор нет никаких известий от тех, кого мы отправили в Дождевые чащобы?

Канцлер сгорбился пуще прежнего. Подол одеяния из тяжелого красно-коричневого шелка лужей распластался вокруг него. Сквозь редяющие волосы виднелась кожа головы.

— Нет, наипрославленнойший. Со стыдом и великой грустью я вынужден сообщить тебе, что никаких известий от них пока не поступало.

— Стало быть, нельзя ожидать и скорого прибытия драконьей плоти или крови, так? — Герцог и сам прекрасно знал ответ, но пожелал принудить Элика его озвучить.

Голова канцлера опустилась почти до самого пола.

— О, блистательный, к своему стыду и смятению, должен признать, что до нас пока что не дошло известий о поставках подобного рода.

Герцог какое-то время обдумывал сложившееся положение вещей. Ему было слишком тяжело держать веки полностью открытыми, да и громкая, отчетливая речь требовала невероятных усилий. Многочисленные золотые кольца, обильно украшенные драгоценными камнями, едва держались на его костлявых пальцах, и руки его с трудом могли подняться под их тяжестью. Роскошная мантия не скрывала чрезмерную худобу властителя Калсиды. Он чахнул с каждым днем, он умирал, а все вокруг смотрели на него в ожидании. Он должен был подobaю-

щим образом ответить Эллику, ни в коем случае нельзя продемонстрировать придворным слабость.

— Так сделай что-нибудь, чтобы изменить положение к лучшему, — тихо произнес он. — Разошли гонцов ко всем возможным торговым партнерам, о которых нам известно. Отправь им особые дары, побуди их быть беспощадными. — Он не без труда вскинул голову и повысил голос: — Полагаю, Эллик, не стоит лишний раз напоминать, что если я умру, то и тебя похоронят вместе со мной?

Его слова должны были прозвучать грозно, заполнить весь зал, но вместо этого он услышал лишь то, что услышали его слуги — раздраженный вскрик старого, умирающего человека. Недопустимо, чтобы такой властитель, как он, не имел престолонаследника! Герцог сейчас вовсе не должен был говорить сам, пусть бы его преемник и законный представитель кричал на придворных, принуждая их к немедленному повиновению. Вместо этого ему приходится чуть ли не шептать угрозы, шипеть, словно старая беззубая змея.

Как же до этого дошло? А ведь у него были сыновья — и много, даже слишком много. Некоторые оказались настолько честолюбивыми, что попытались свергнуть отца. Кого-то он отправил на войну, кого-то в пыточные застенки — за непочтительность. Несколько благоразумно отравил. Эх, если бы он знал, что болезнь унесет не только выбранного им наследника, но и последних троих сыновей, то, возможно, сохранил бы еще кого-нибудь про запас... Но кто же думал, что все так обернется?!

И теперь он остался лишь с одной-единственной никчемной дочерью: тридцатилетней, бездетной, обладающей мужскими повадками и таким же складом ума. Трижды вдова, не способная дать ребенку жизнь. Женщина, читающая книги и сочиняющая стихи. Абсолютно беспо-

лезная для него и, пожалуй, даже опасная ведьма. А в его собственном теле больше не осталось силы, чтобы сделать ребенка какой-нибудь женщине.

Нет, это невыносимо. Он не может умереть, не оставив наследника, чтобы имя его обратилось в прах на жерновах истории. Пусть ему доставят чудесное снадобье — драконью кровь, которая вернет ему здоровье и мужскую силу. Тогда он обзаведется дюжиной наследников и предусмотрительно оградит их от всех возможных несчастий.

Кровь дракона. Такое, казалось бы, простое лекарство, однако никто до сих пор не смог добыть его.

— Если мой господин умрет, горе мое будет так велико, что лишь погребение вместе с ним сможет успокоить меня, о милосерднейший.

Льстивый ответ канцлера вдруг показался герцогу жестокой насмешкой.

— Помолчи уж, Эллик. Подобное пустословие лишь раздражает меня. Что толку понапрасну твердить о своей преданности? Где драконья кровь или плоть, что спасет меня? Вот что мне нужно, а не твои глупые восхваления. Здесь что, не осталось ни одного человека, готового послужить своему герцогу? — Это потребовало невероятных усилий, но на сей раз его голос звучал достойно. Когда правитель Калсиды пристально осмотрел присутствующих, ни один не осмелился встретиться взглядом со своим господином.

Все в ужасе съезжились, и герцог намеренно дал поданным время вспомнить о сыновьях, которых держал в заложниках, о сыновьях, которых никто из них не видел уже много месяцев. Он позволил людям помучиться несколько долгих мгновений, гадая, живы ли их наследники, а затем спокойно спросил:

— Есть ли новости от отряда, который мы отправили проверить слухи о драконах, замеченных в пустыне?

Канцлер застыл, явно пребывая в растерянности.

«Что, Элик, не знаешь, как выкрутиться? — злорадно подумал герцог. — Ты помнишь, как в былые времена мы плечом к плечу шли в атаку? А теперь посмотри, во что превратились могущественный правитель и его бравый военачальник: дряхлый старик и раболепствующий слуга. Как только ты принесешь мне необходимое снабдь, все снова станет как прежде. Почему ты подводишь меня? У тебя есть собственные амбиции? Ты замышляешь что-то против своего господина? Я должен убить тебя?»

Он пристально смотрел на канцлера, но глаза Элика были опущены. Потеряв терпение, герцог рявкнул:

— Отвечай! Есть новости или нет?

Элик поднял взгляд, и герцог увидел в его серых глазах ярость, скрытую под раболепием. Да, они скакали рядом слишком долго и сражались бок о бок слишком часто, а потому могли читать мысли друг друга. Элик знал каждую уловку герцога. Когда-то этот человек, бывший правой рукой властителя, старательно подыгрывал ему во всем, но теперь он уже стал уставать от этого. Канцлер глубоко вздохнул:

— Как и прежде, ни слова, мой господин. Но драконы прилетают к воде нечасто, и мы приказали отряду оставаться на месте, пока их усилия не увенчаются успехом.

— Что ж, по крайней мере, мы пока не получили донесения об их неудаче.

— Нет, великолепнейший, еще есть надежда.

— Надежда? Ты, возможно, и надеешься, а я — требую! Скажи, Элик, ты надеешься, что твое имя переживет тебя?

Бедный канцлер буквально застыл от ужаса: герцог знал его самое уязвимое место.